

Р Е Л И Г И Я

В. Якубов

СЛОВО О ФАРИСЕЙСТВЕ

1. ВОПРОС О ФАРИСЕЯХ.

Кто такие фарисеи? Казалось бы, ответить на этот вопрос не так трудно. Слово "фарисей" стало нарицательным. Ханжа, лицемер, начетчик... Но так мы говорим о современниках — словом "фарисейство" обозначаем некое духовное состояние. Но кто такие были "настоящие" фарисеи, в истории? И на это ответить нетрудно: о фарисеях мы знаем много. Есть евангельское свидетельство, есть исторические источники. Но обращаясь всерьез к истории, мы рано или поздно останавливаемся в недоумении. Как ни странно, исторические источники рисуют фарисеев вовсе не такими, какими мы привыкли их представлять. Причем, наше представление о фарисеях, как мы полагаем, исходит из Евангелия. Кто же прав? Основной исторический источник — сочинения Иосифа Флавия. /Древности иудейские, ХУШ, 1,3/. Он рисует фарисеев как людей благочестивых, строгой жизни. Иосиф не читал евангелий, и не мог с ними "спорить". Он писал, о чем знал. Разумеется, небеспристрастно. Но пристрастие, реверансы Флавия — в сторону римлян, потому он и не написал о фарисеях как о политическом движении, чем они тоже были. К христианам же Иосиф относился скорее с интересом, и специально, в пику им не стал бы приукрашивать фарисеев. Да и кроме Иосифа, другие источники рисуют нам фарисеев совсем неожиданно. Это люди ученые, самоотверженные, верующие, благочестивые. Да, они любили учить народ, но им было чему учить — они делали то, что должны были бы делать священники: они были религиозными учителями Израиля. И сами были готовы учиться всю жизнь. И готовы были стать мучениками за веру: многие и становились.

Это все так непохоже на наши представления о фарисеях, которые, как нам кажется, основаны на Евангелии, что недоумение естественно. Если исторические свидетельства верны, то неправо Евангелие? И неужели правы верующие евреи, укоряющие христиан в том, что те оклеветали фарисеев?

Беда наша в том, что мы частенько вместо Евангелия читаем катехизисы: там ведь, в отличие от Евангелия, все так ясно и логично. А о фарисеях там сказано, что это была такая секта, что думали они только о себе и своих походах, а не о народе, что учили они всякой законнической ерунде, вместо того, чтобы "просто" верить, да еще сами не исполняли того, чему учили. И вообще цель жизни видели в том, чтобы враждебно относиться к Иисусу Христу. Здесь все ясно и все неверно... Фарисеи вовсе не секта; заботы их были именно о народе, далеко не все из них были богачами; закон — вещь серьезная, и ни одна религия без него не обходится, не исключая и христианской, а "просто" веры не существует, всегда верят во что-то, и как-то выражают свою веру; фарисеи действительно старались выполнять закон, и благочестие их исходило из глубокой веры, иначе они не могли бы быть исповедниками веры. Не все фарисеи враждебно относились к Христу, и, наконец, фарисеи были ревнителями веры, мистиками и богословами, и, как мы далее увидим, именно на фарисейском богословии основалось новозаветное, христианское.

Но если мы прочтем Евангелие непредвзято и внимательно, то увидим, что наши "евангельские" представления о фарисеях вовсе не евангельские, а просто ходячие предрассудки. Потому что именно там о фарисеях говорятся подчас противоположные вещи. Это — из многих евангельских "противоречий", которые так любят смаковать атеисты, и, увы, затушевывать иные верующие, при помощи цепочки подходящих цитат. /Дай этим верующим волю, они вовсе бы переписали Евангелие, чтобы оно стало "логичным"/. Но мне думается, что именно "противоречия" свидетельствуют о богодухновенности Писания, о ином, божественном Разуме, который и можно постичь лишь верой.

Так вот, ни о ком другом, как о фарисеях, не говорится в Евангелии столь резких и горьких слов. "Слепые вожди слепых" /Матф. 15,14/, обвинение в замене заповеди Божией преданиями человеческими /Матф. 15,3/, предостережение учеников от "закваски фарисейской" /Матф. 16,6/, наконец, семикратное "Горе вам..." /Матф. 23/. Никому, никому более Иисус не сказал столь страшных слов: "Ваш отец диавол" /Иоанн 8,44/. Плоское, "арифметическое" мышление /а мы чаще всего так и мыслим/ тут же построит себе привычный образ фарисеев: обманщиков, невежд, чуть не богохульников. Но как бы в насмешку над "плоскостным" мышлением, а вернее, чтобы выбить его из плоскости в другое измерение, тот же Иисус о тех же фарисеях говорит совсем уж неожиданные вещи. О законе, главной заботе фарисеев: "Не нарушить пришел я, но исполнить" /Матф. 5,17/. О самих фарисеях — ученикам: "все, что они велют вам соблюдать, соблюдайте и делайте; по делам же их не поступайте, ибо они говорят, и не делают" /Матф. 23, 3/. Итак, предостерегая учеников от учения фарисейского, Иисус тем не менее советует им поступать по этому учению, лишь предостерегая от фарисейских "дел". Так может быть, дела только нехороши, т.е. уча правильно, фарисеи сами далеко не праведники? Так нет же: "Если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство небесное". /Матф. 5,20/. Это снова ученикам, и о тех же фарисеях. Так значит, была все же у них праведность, которую надо именно превзойти, а не отвергнуть? Да и в притче о мытаре и фарисее /к которой мы еще не раз вернемся/, фарисей вовсе не уличается в том, что он якобы не выполняет заповеди /а говорит, что выполняет/. Беда фарисея в другом.

Так кто же такие фарисеи? Как видим, Евангелие вовсе не противопоставляет исторической картине свою собственную, иную, а высвечивает что-то такое, что не поддается обычному разуму. Нечестие в благочестии, беззаконие в законе... И, конечно, Евангелие к фарисеям пристрастно. Словно идет какой-то давний спор, дошедший до трагической точки. Современникам Христа это было понятнее: фарисеи жили рядом

с ними. Менее понятно нам. Поэтому не лишне обратиться к истории. К истории израильского народа, где началось фарисейство, и к фарисеям в истории.

2. ФАРИСЕИ В ИСТОРИИ.

Перед евреями, уведёнными в Вавилон /У1 в. до Р.Х./, встали новые, еще небывалые в прежней истории задачи. Дело касалось религии — того, что было средоточием и смыслом израильской истории. Но до сих пор шла речь о вере и Царстве. Цари проводили религиозные реформы, строили и украшали храм; они же могли поддаваться языческим влияниям, гнать пророков. Ревнителю веры Израиля могли поддерживать царей и противостоять им, развивать храмовый культ и напоминать о том, что выше культа, учить народ и говорить правду царям. Но именно царская власть была действенной силой в истории, той истории, что, согласно библейскому мышлению, есть развёрнутое во времени Господне Откровение. Поэтому Храм и Царство было тем, на чем это Откровение себя проявляло на Земле. Царство строило Храм, Храм освещал Царство, делал его не просто одним из Царств земных, а вотчиной Бога, как и народ Израильский был народом Господа.

И вот Храм и Царство перестали существовать. И встало новое соотношение: не вера и Храм, не вера и Царство, а вера и народ. Собственно оно не было новым. Израильская религия всегда была религией завета Бога со Своим народом. Был ли это завет Авраама — с народом, потомками Авраама, или Моисея — от лица всего народа. Но в Вавилоне впервые встал задача — сделать веру главным, что соединяет народ, делом всего народа. Задача была насущная, вовсе не академическая: евреи оказались без Храма, без Царства, даже без своей земли, среди в сущности родственного им семитского народа. Если в Израиле евреи так легко поддавались языческому влиянию, то что же в Вавилоне? Поэтому именно в Вавилоне служение Богу должно было стать всенародным делом, сам народ — Храмом, а каждый израильтянин — в какой-то мере священником. Но на Востоке священство всегда было связано с письмом, с Книгой. В Вавилоне израильский народ

становится народом Книги.

Но единого Писания тогда еще не существовало. Были священнические свитки, летописи, записанные древние сказания, писания пророков. Не было канона. К счастью, современное историческое богословие давно уже отошло от странного взгляда, согласно которому чуть ли не все Пятикнижие было вручено Моисею на горе Синай. Как справедливо заметил Карташов, это лишило бы израильский народ духовной истории. Канон Пятикнижия был составлен в вавилонском плену. Туда вошло главное, что определяло тогда религию Израиля: учение о сотворении мира, завет с Богом Авраама, завет Моисея, законнические установления левитов, священников Храма. Люди, специально занимавшиеся приведением к единому канону священных книг, стали называться соферитами — книжниками.

Это было новое явление в духовной жизни Израиля. Не сосредоточенный в молитве и культе священник, не суровый и пламенный пророк — ученый; вдумчивый, внимательный, методически, скрупулезно занимающийся главным делом своей жизни — Писанием, Книгой. Какой-то иной духовный облик он вносил, что-то такое, что впоследствии станет типичным /по крайней мере, по мнению окружающих народов/ для Израиля — книгочей, умница, учитель. Так начала выдвигаться на первый план фигура учителя, рабби.

Соферитам мы обязаны нашим Писанием, самим принципом канона. Но их цель была не только составление канона. Закон, содержащийся в Пятикнижии /Торе/, должен был стать обязательным для всего народа, охватывать весь народ, стать его скрепой и его служением. Это была уже не академическая задача, а чисто практическая. И наиболее последовательно ее выполнил книжник Эзра, уже по возвращении евреев из Вавилона. Эзра читал Тору во время осенних праздников, стоя на крыльце недавно возрожденного Храма. Но смысл его реформы состоял как раз в том, чтобы народ мог оставаться народом Божиим и без Храма, в любом месте и в любое время. Выполнение регулярного Закона, пронизывающего всю жизнь — вот теперь служение, литургия, жертва.

Реформа книжников вызвала и отрицательные последствия. Закон был нелегок, вернее, непривычна была его обязательность и регулярность. Поэтому закон разобщал евреев, вызывал чувство превосходства или зависти. К тому же "книжные" занятия могут развивать не лучшие свойства в людях: надменность к "неученым", пристрастие к букве, схоластике. Уже Эзра не кажется слишком привлекательным. Он суров, но это суровость не пророка, а учителя, начетчика. И похоже, Бога он любил больше, чем людей. Однако все это оставалось пока только "соблазном". Пророческие и иные писания корректировали духовную жизнь Израиля, не давали ей замкнуться в законе, и самих книжников делали все-таки более ревнителями веры, чем педантами. Реформа книжников была нужна. Это был первый урок аскезы, духовной дисциплины. Народ впервые ощутил себя духовным воинством, мог закалять свой дух и волю в конкретном, ежедневном служении.

Духовное оружие скоро понадобилось, когда Израиль столкнулся с новым соблазном, куда более тонким, чем грубые языческие культы Востока: с греческой культурой и философией. Философия, казалось, проповедовала того же самого Единого Бога, ну почти Того же, а культура делала эту веру легкой, приятной, не мешающей наслаждаться жизнью; вера — созерцание, не библейская вера — действие. Соблазнить было легко; евреи легко перенимали греческий язык, философские навыки, обычаи. Но тут именно аскетическая суровость закона стала тем видимым порогом, за которым начиналась измена вере.

Люди, противопоставившие греческому влиянию, называли себя "хасидим" — благочестивыми. Благочестие их было благочестием закона, и в этом они были уже людьми иного времени /в отличие, скажем, от "сынов пророческих" времен Илии или "бедняков" времен Исайи/. Но закон был только средством, а цель та же — верность завету.

Когда наступление язычества приняло агрессивный характер /попытка греко-сирийского царя Антиоха Епифана навязать всем своим подданным единый культ/, хасидим, ес-

тественно, оказались душой сопротивления. Как попытка царя ввести единую религию была первой попыткой в истории установить в государстве "духовное единство" /разумеется, силой/, так сопротивление этому евреев было первой религиозной войной, непонятной для античного сознания, вызвавшей мистический страх перед непонятным народом, согласным на политическую зависимость, но готовым умереть, защищая свои алтари. /Этот страх послужил первым толчком к антисемитизму/. Война эта получила в народе название Маккавейской, велась 20 лет /170-150 гг до Р.Х./ с переменным успехом, была возглавлена священническим родом Хасмонеев, вовлекла весь народ и закончилась победой, установлением второго царства, с династией Хасмонеев /Маккавеев/: 150г. до Р.Х.

Храмовое священство, и до того сильно эллинизированное, в большой своей части поддалось соблазну и вовсе изменило вере. Уже тогда оно потеряло роль учителей народа, перешедшую к книжникам. Но провинциальное священство деятельно участвовало в войне, и возвело свою династию, где царь, будучи сам священником, соединял царскую власть с первосвященнической. После падения дома Давида именно священство стало аристократией, а во втором царстве — политической силой. Они и добивались именно политической независимости народа. Хасидим же интересовала прежде всего религиозная свобода; только убедившись, при Антиохе Епифане, что она невозможна без политической, они приняли участие в восстании. Можно сказать, что их заботой было не государство, а нация.

После победы противоречие между победителями немедленно обнаружилось. Влиятельный клан в священстве считал своим предком первосвященника Цадок, и отсюда их родовое имя — цадоким — саддукеи, стало прилагаться ко всему священству, как к классу и клану. Это были аристократы, политики, консерваторы в религии и либералы в политике и жизни.

Наследники же "благочестивых" называли себя фарисеями.^{х)}

х) Этимология слова не ясна. Вероятнее всего, происходит от "регисит" — "отделившиеся". Но, очевидно, отделившиеся не от Израиля, а от нечестия; либо — "остаток Израилев", по слову пророков. Еще толкование: "регаск" — "чистые". 134.

Они окончательно взяли на себя роль народных религиозных учителей, да и сами были выходцами из народа. Как раньше хасидим, так и фарисеи были не профессиональным кланом /как книжники/, но именно движением, в политическом отношении — партией. К Маккавейской династии они относились не всерьез, только терпели ее, как временную: она ведь не из дома Давида, и не из нее придет истинный владыка — Мессия. В многократных гражданских войнах, сотрясавших Маккавейское царство, они выступали против династии. Это было связано и с тем, что, терпя Маккавеев как царскую власть, они не считали их вправе посягать на власть духовную, так как теперь правит сам Бог, посредством закона /наследие Эзры!/.

При царе Александре Яннае /1в. до Р.Х./ тысячи фарисеев были распяты: царь заимствовал римскую казнь. Иродову династию /а особенно самого Ирода/ фарисеи уже просто ненавидели, и тоже пострадали при нем. Римская власть потеснила политические позиции и авторитет саддукеев, тем большее влияние приобрели фарисеи; после отстранения Иродиад они входили, наряду со священниками, в высший религиозный совет — Синедрион. Они были не только духовной, но и политической силой, составляя то, что мы бы теперь назвали патриотической, национальной партией. Поэтому именно они возглавили восстание против римлян. После разрушения Второго Храма /70 г./ священство сходит и с политической, и духовной сцены; руководителями, учителями, судьями народа окончательно становятся фарисеи, а когда они исчезают как политическое движение /после восстания Бар-Кохбы /130 г./ и окончательного поражения национальной государственности/, их наследники — учителя, законники, раввины — встанут во главе рассеянного по всей экумене народа. Не составляя никакой организации, не имея юридической власти, они только учением, только как учителя определяют духовный облик своего народа, послехрамовый иудаизм. В чем же было учение фарисеев?

3. УЧЕНИЕ ФАРИСЕЕВ.

Фарисеи оставили громадный свод письменных источников, освещающих их учение. Это — Талмуд, буквально, в переводе —

"учение". Талмуд состоит из комментариев к Торе, добавочных пояснений, религиозно-правовых установлений, а также богословских трактатов, притч, коротких изречений и размышлений. Собственно, это "учение" — т.н. "устное учение", т.е., как утверждали и утверждают иудейские богословы, пояснения к писаной Торе, без которых нельзя правильно понять Писание и выполнять закон, и которые с незапамятных времен /чуть ли не с того же Моисея/ передавались изустно, пока не были зафиксированы, собраны, записаны. Отвлекаясь от нереального утверждения, что "устное учение" было дано самому Моисею, можно предположить, что первые комментарии к Торе начали складываться непосредственно после заключения канона Пятикнижия, т.е. после вавилонского плена. Не нужно преувеличивать "устность" устного учения: невозможно развивать богословие и религиозное право, полагаясь лишь на память. Конечно, "устное учение" записывалось, но лишь как конспекты, записи дискуссий в богословских школах. Так накопился громадный материал, но только после катастрофы 70 года его решили систематизировать, поскольку возникла опасность его исчезновения. Так начал складываться Талмуд, законченный уже в V веке.

Почему же возникла необходимость в "устном учении"? Софери́ты составили канон Торы — Пятикнижие. Это был, собственно, священнический кодекс, и священники-саддукеи считали Тору "своей" книгой, и не признавали ничего дополняющего ее. Но, как всякий религиозный фундаментализм, эта позиция оказалась религиозно бесплодной и исторически несостоятельной. Многие из законов /248 разрешающих и 365 запрещающих/, насчитанных в Торе, были неудобноисполняемы в изменившихся условиях жизни. Поэтому у саддукеев неизбежно получался разрыв между практической жизнью и религиозными требованиями. Культ, который, пока стоял Храм, только и мог выполняться буквально, стал ~~опиравшийся~~ основной религиозной заботой саддукеев, все более отдалявшейся от их политических забот. Саддукейскому иудаизму грозило вырождаться в обрядоверие. Разрушение Храма остановило этот процесс, передав судьбы ветхозаветной религии в руки фарисеев. Те подходили к делу религиозного строительства совсем ина-

че — творчески. Прежде всего, именно фарисеи хранили религиозные свитки, не вошедшие в канон Торы: исторические хроники, псалмы, притчи, пророческие и иные писания. В дальнейшем фарисеи добились составления большого канона — куда, сверх Пятикнижия, все это и вошло. Фарисеям мы обязаны теперешним канонам Ветхого Завета.

Но главной заботой фарисеев был все-таки закон. Фарисеи продолжили задачу Эзры — сделать всю жизнь народа Божия служением Богу, литургией. Они считали средством для этого закон, и коль скоро законы, содержащиеся в Торе, не всегда были удобны к исполнению, их надо было прокомментировать, истолковать так, чтобы приспособить к изменившимся условиям жизни. Так начал складываться огромный свод толкований. Следует подчеркнуть, что фарисеи поставили не формальную, не казуистическую задачу, а реальное дело: религиозную организацию жизни.

Но занимались они не только этим. Толкуя и комментируя Писание, фарисеи создали и развили целый комплекс религиозных представлений, именно те догматы, которые легли потом в основу христианского богословия. Так, фарисеи учили: о воскрешении мертвых; о Страшном Суде; о загробном воздаянии; о существовании ангелов; о свободе человеческой воли. Последнее особенно интересно: фарисеи не побоялись антиномии: свободная воля — Божественное всеведение. "Все предопределено Предвечным, и, однако, действия человека свободны. Мир управляется благодатью, и воля человека познается по обилию его добрых дел", — так учит Талмуд.

Несомненно, фарисеи знали внеканоническую литературу своего времени, прежде всего апокалипсисы, полные тревожных предчувствий и мистических ожиданий. Фарисеи не были только законниками — это были богословы и мистики. Так, одна из ветвей фарисейского движения ужесточила закон до такой степени, что уже не находила возможности выполнять его в миру — и ушла в пустыню. Это были ессеи. Но они же создали оригинальную мистику, эсхатологию, аскетику. /Еще ждет своего исследования вопрос о влиянии ессейской аскетики на раннехристианское пустынночество/.

Многообразие фарисейских интересов прослеживается в Талмуде. Там есть два слоя: законнический – это Галаха; и все остальное – Агада. "Агада", собственно – притча. Новозаветная притча есть типичная агада, по форме. Но талмудическую Агаду составляют не только притчи, но и поучения, богословские трактаты, краткие афоризмы, моральные максимы. Некоторые из них нам удивительно знакомы, по совсем другой книге. Вот, например /цитирую по статье В. Соловьева "Талмуд и новейшая полемическая литература о нем в Австрии и Германии"/:

У кого хлеб в корзине, а он заботится о пропитании на следующий день, тот принадлежит к маловерным. Человек должен говорить перед Богом лишь в немногих словах.

Кто унижает себя, того Бог превозносит, а кто сам себя превозносит, того унижит Бог.

Кто публично посрамляет кого-либо, тот все равно, что пролил кровь.

Лучше человеку принадлежать к гонимым, нежели к гонителям.

Кто прощает обиду, ему нанесенную, тому Бог прощает его грех.

Рабби Элиезер учил: покайся за день до смерти. Тогда ученики его спросили: "Разве знает человек, когда он умрет?" Это значит, возразил рабби, что он должен исправиться сегодня же, ибо может умереть завтра. Таким образом, он проведет всю жизнь в покаянии, как сказано: "Да будут одежды твои всегда белы, и елей для главы твоей да не оскудеет."

Не потому ли Иисус говорит ученикам о фарисеях: "что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте" /Матф., 23, 3/? Не потому ли и фарисею Никодиму, пришедшему со своими сомнениями, Иисус говорит: "Ты – учитель Израилев, и этого ли не знаешь?" /Иоанн, 3, 10/. Т.е. указывает на то, что в самом учении, которое исповедует Никодим, уже есть ответ.

Может быть, фарисеи были обманщиками, не делавшими

того, чему учили? Но этому противоречат исторические свидетельства, рисующие фарисеев благочестивыми людьми, да и в евангельской притче о мытаре и фарисее фарисей вовсе не обвиняется в обмане.

Может быть, Агада – это хорошо, а Галаха – плохо? Т.е. плох сам факт закона, а богословие и мораль – хороши? Но сам Иисус указывает ученикам, чтобы те выполняли все, что велят фарисеи /т.е. и закон/, а не поступали только по их делам. Что же это за "дела"? Почему закон назван "неудобноносимой" ношей, а между тем его же велено выполнять, да и сам Иисус пришел, по Его же словам, не нарушить закон, а исполнить? Что же такое "исполнить" закон, и почему фарисеи, при всем видимом исполнении его, все же его не исполняли: "ибо они говорят, и не делают" /Матф. 23,3/?

4. ЗАКВАСКА ФАРИСЕЙСКАЯ

"Пока стоял Храм, жертвенник искупал грехи людей. Ныне же, когда жертвенника больше нет, трапеза, предлагаемая нищим, заменяет жертвенник и искупает грехи". Так учили фарисеи после разрушения Храма. При всем благочестии этой сентенции здесь есть нечто тревожащее. Да, подавать милостыню нищим и в христианской традиции – дело, угодное Богу, но – замена жертвы за народ? Храмовая жертва за народ была мистическим актом, и тут было ожидание истинного и вечного Искупителя. Можно ли это заменить только богоугодными делами? "Ибо нищих всегда имеете с собою, а Меня не всегда имеете" /Матф. 25,9/. Теряется мистическая напряженность религии Завета, религии надежды и обетования. Добрых дел все-таки недостаточно для искупления грехов. Достаточно ли закона? Чем был и чем становится закон, все усложнявшийся фарисеями? Прежде всего – это была первая в ветхозаветной религии система аскезы. Т.е. – приготовление души и тела для присутствия Божьего. Но всякая аскеза хороша, поскольку она остается тем, что она есть – именно приготовлением. Аскеза нужна, чтобы достойно принять спасение – но не чтобы спастись. Фарисеи же хотели большего. Они просто поставили закон на первое место, чего не было раньше в

израильской религии: она основана на факте завета. Закон /поскольку он содержится уже в Торе/ создавался позже, постепенно, по мере надобности. Тем самым фарисеи изменили самое суть религии. В этом и заключались те "дела", по которым не надо было поступать: не сам закон, как таковой, а отношение к нему. Наследники соферитов и Эзры, фарисеи продолжили их дело, действительно благочестивое: сделать так, чтобы вся жизнь народа Божьего была посвящена Богу. Но благочестие превратилось в неблагочестие, ибо фарисеи поставили себе невозможную цель: сделать это путем закона, т.е. объять законом всю жизнь. Прежде всего, это было невозможно физически: жизнь менялась, становились неудобовыполнимыми многие установления Торы, и самих фарисеев, приходилось громоздить толкование на толкование. Так создавался огромный лабиринт талмудической Галахи. Но какой бы сложный закон не придумать, он не сумеет объять всю живую жизнь, и неизбежно будет иссушать и формализовать ее. Фарисеи это чувствовали сами, и потому смягчали законничество морализмом Агады, проповедью добрых дел. Но здесь неизбежно выходило противоречие. Закон ограждал, отделял еврея от нееврея во всех мелочах практической жизни. Если бы закон был только аскезой — это не мешало бы милости и любви. Но закон становился смыслом, сутью жизни по Богу — и это неизбежно рождало "огражденную", законническую психологию, вечную боязнь осквернения, что никак не соответствовало любви, добрым делам. Бессознательно /а иные, возможно, и сознательно/ фарисеи вели себя как лицемеры, проповедуя одно, и одновременно "делая" другое, т.е. создавали у своих последователей психологию, вовсе не отвечавшую их же проповеди.

Но как бы ни был тяжел сам закон, он все же был выполним. Как бы ни мало делал человек добрые дела — их все же можно делать, это по человеческим силам. И здесь была основная опасность законничества, большая, чем невозможность объять законом всю жизнь. Это — иллюзия спасения. Иллюзия, что ты достиг спасения своими силами. На место надежды и обетования древнего Израиля, на место мистической неудовлетворенности пророков и апокалиптиков, которым как бы

всегда недостаточно уже существующего, которые ждали Нового Завета, нового неба и новой земли, на место этого приходит спокойная уверенность фарисеев в самодостаточности закона, в том, что это и есть жизнь по Богу, Божье служение. "Сверх" закона, правда, остаются еще добрые дела, но это и все.

Знаменательно сравнить такое отношение к жизни по Богу со словами апостола Павла, фарисея, оставшегося и после обращения прежде всего фарисеем в самой структуре своего богословия, в признании догматов, разработанных фарисеями, даже, в каком-то смысле, в отношении к жизни, и тем не менее всей своей проповедью и жизнью противопоставший фарисейскому пониманию спасения.

"Кто различает дни, для Господа различает, и кто не различает дней, для Господа не различает. Кто ест, для Господа ест, ибо благодарит Бога. И кто не ест, для Господа не ест, и благодарит Бога. Ибо никто у нас не живет для себя и никто не умирает для себя, а живем ли — для Господа живем, умираем ли — для Господа умираем. И потому, живем ли, или умираем, — всегда Господним. Ибо Христос для того и умер и воскрес и ожил, чтобы владеть и над мертвыми и над живыми" /Рим., 14, 6-9/. Как видим, для ап. Павла, как и для фарисеев, цель жизни — служение Господу; вся жизнь должна быть посвящена Богу. Но "посвящение" это ап. Павел понимает иначе, прямо противоположно. Не через закон, не посредством закона, а действительно вся жизнь человека, как она есть — может и должна быть служением Богу. Что же дает ап. Павлу такую уверенность? Не что, а кто — Христос. Воплощение и воскресение Бога, заключение Нового Завета — вот смысл и суть сотериологии ап. Павла. И здесь грань, где он противопоставляет фарисеям. Ибо те, поставив закон и "добрые дела" в центре религии, тем самым поставили там хотя и нечто необходимое и доброе, но все же человеческое, достижимое человеческими силами. Да, человек готовится к спасению, но само спасение от Бога, а не от человека.

Здесь уместно обратиться к притче о мытаре и фарисее. Два человека вошли в храм. Один — фарисей — благочестив, выполняет закон и благодарит Бога за это, и больше ничего не требует. Благодарит и за то, что он не таков, как человек, стоящий сзади него. Поскольку закон хоть и тяжел, но выполним, и стоящий сзади мытарь мог бы выполнить закон, а не сделал это. Так фарисейское благочестие неизбежно рождало гордыню, ибо если другой не сделал того, что должен и мог сделать, что сделал ты, что вообще возможно сделать человеческими силами, то неизбежна мысль: ты лучше его, и для милости уже нет места. Тут главное, что фарисею ничего не надо. Мытарь же, наоборот, знает, что виноват, что по божеским и человеческим законам он не может даже войти в Храм, не то что в Царство Божие. И он надеется на чудо, на милость. И потому он оправдывается более, чем фарисей, которому ни чуда, ни милости не надо.

Поставив "предание человеческое" в центр религиозной жизни, фарисеи тем самым изгнали из нее надежду, чудо, мистическую напряженность, динамизм, откровение в истории. Т.е. все то, что является отблеском "не от мира сего" в мире сем. И религия их стала слишком "человеческой".

Последствия не замедлили сказаться в истории. В V веке был заключен Талмуд. У наследников фарисеев было два пути: либо, следуя за изменяющейся жизнью, бесконечно продолжать комментарии к закону, либо заключив, наконец, Талмуд, "заключить" и самую жизнь. Они выбрали второе, что привело к искусственной консервации жизни, вечной боязни "осквернения"; а часто на практике, где было невозможно иначе: к противоречию между прекрасными моральными предписаниями Талмуда и практической деятельностью еврейских торговцев. Так, начав со спора с саддукеями, фарисеи пришли к тому же: противоречию между религией и жизнью, ибо спор шел не о роли закона, а о более или менее гибком законе. Но главное то, что закон, оградивший народ от язычества, оградил его и от истории. После разрушения 2-го Храма случилась странная вещь: самый исторический народ в мире оказался как бы вне истории, реагируя на нее лишь

пассивно: страдая от гонений. И дело здесь не в падении государства, не в рассеянии: именно в Вавилоне в свое время евреи всерьез задумываются о смысле истории — и своей священной истории. Но послехрамовый иудаизм перестал быть животворной исторической силой, оставшись "хорошей" религией добрых дел и самопостаточной аскетики. Не то чтобы сами фарисеи чуждались истории: они были патриотической партией, участвовали в восстаниях. Но после поражения национальной мечты о возрождении фарисеи не перестали существовать /как саддукеи/, а окончательно сознали свою религиозную задачу как возведение ограды закона. И их позиция стала архетипом любого религиозного законничества, сектантства, с его неизбежным следствием — выходом из истории. Не будучи, конечно, сектой относительно своего народа, фарисеи, тем не менее, несли сектантский дух "ограждения", и весь народ попытались "оградить".

Отчасти им это удалось. Вот почему, поскольку в евреях во все века живет тяга к историческому деланию, осуществить эту тягу они всегда могли, только фактически отойдя от "религии отцов", если и не уходя формально. Только как творческие возможности евреев могли найти применение: в науке, в философии, в искусстве, в социальной деятельности, в социальных и революционных движениях. Антиисторизм талмудического иудаизма мешал любой деятельности, в том числе и революционной, в противоположность тому, что утверждают как недруги, так и некоторые друзья евреев. Вот почему в свое время еврейские ортодоксы так враждебно встретили и сионистское движение: ведь оно было историческим действием.

Уход от "религии отцов" был неизбежен именно потому, что исторический путь, путь соработников Богу в истории взяло на себя христианство, тем самым став более прямым наследником Ветхого Завета, чем послехрамовый иудаизм. Евреи часто, и не без основания, упрекают христиан в разрыве между их религиозными требованиями и практической жизнью, и ставят в пример себя: пусть-де мы не так высоко летаем, но зато исполняем хотя бы то, что у нас есть. И

в этом они правы. Но упрек этот, если учесть, что он делается как бы из духовно-безопасного убежища людям, живущим, падающим и поднимающимся в живой истории, становится как-то... не слишком высоким. Ведь именно Израиль, с его духовной опытностью, должен был стать во главе Церкви, и кто знает, случись это, не избежала ли бы Церковь многих соблазнов и уклонений. Но фарисеи увлекли свой народ от Мессии, не узнав Его. Они не узнали Его вовсе не потому, как обычно написано в катехизисах, что Он не был политическим вождем. Ведь национальное поражение не уничтожило впоследствии дело фарисеев. Они не узнали Его потому, что закон из средства они превратили в цель, и не могли уже принять, что цель закона — выход из него. И что Бог выше закона. И милость, благодать, надежда, вера, любовь — выше закона. Потому и не узнали Того, кто был выше закона: ведь, по их понятиям, этого просто не могло быть; потому и не смели взглянуть на Иисуса с чистым сердцем и чистым оком, а ведь требовалось только это! Поставив закон выше всего, они сделали его идолом.

Потому и Евангелие "пристрастно" к фарисеям: ведь они были народными вождями, и громадна была их ответственность. Потому и кончается обличение фарисеев /семикратное "горе вам..." / горестным воплем: "Иерусалим, Иерусалим...", потому что здесь не абстрактное обличение "еретиков", а живая боль и слезы Христа о своем народе, не увидевшем часа посещения своего. Вот об этом и нам следует помнить: без любви, милости, сожаления о ближнем — наше "благочестие" перед ним не есть благочестие, а закваска фарисейская.

5. ФАРИСЕЙСТВО И НОВЫЙ ИЗРАИЛЬ

Христос предостерегает от закваски фарисейской своих учеников, т.е. Новый Израиль, Церковь. Нам нечем гордиться перед современными иудаистами, потому что они по крайней мере являются тем, чем являются. Мы же, все время противопоставляя себя иудаистам, как фарисеям, тем не менее сами как часто несли в себе именно закваску фарисейскую. В чем она проявляется?

Существует совершенно неверное противопоставление ветхозаветной религии новозаветной, как религии закона — религии благодати. Соответственно: религия рабов — религия свободных. Поэтому многие из иудаистов считают, что если в Церкви и есть "закон", то он пробрался туда контрабандой, ибо иначе нельзя действовать в мире.. С другой стороны, многие из христиан тоже считают, что "правила", "закон", "обряды" не нужны, а нужно искать "чистую" благодать. Чем кончаются поиски такой "чистой" благодати, вне церковной ограды, мы все хорошо знаем: тяжелыми духовными и душевными заболеваниями. Без подлинной аскезы, духовной дисциплины, умения различать духов, люди поддаются под действие темных сил, бесовствуют. При внешнем отвержении "фарисейства" /закон/, оно, тем не менее, здесь присутствует: в гордыне.

На самом деле, конечно, благодать присутствует и в Ветхом Завете, закон есть /и должен быть/ в Новом. Проблема не в присутствии или отсутствии того или другого, а в их соотношении. Именно эту проблему ставит ап. Павел /см. Рим. 4/. Это было первым вопросом как христианского богословия, так и церковной практики. Если бы шла речь просто об отвержении закона, то и проблемы бы не было. В Ветхом Завете на первом месте был Завет, а потом Закон. Но это был еще только Завет обетования, надежды, будущего, и потому закон играл все большую и большую роль, как неременное условие выполнения Завета. Завет был выполнен, Мессия пришел, заключив Новый Завет — завет спасения. С этой точки расходятся в разные стороны пути фарисейства и христианства. Фарисеи поставили закон на первое место, чего не было и в Ветхом Завете. А что же случилось с законом в Новом Завете? Там стало ясно, что законом спастись нельзя /ведь Новый Завет — завет спасения/, и в этом смысле он ~~отменен~~ отменен. Но не потому, что был плох, а потому, что исполнил все, что мог, и большего ему не дано. Так богатый юноша /см. Матф. 19, 16-22/, исполнив закон, почувствовал, что спасение еще далеко от него. Оказывается, он все же не посвятил всего себя Богу, а вот этого-то сделать через закон нельзя. Только — с Божьей помощью, в "смерть Его" кре-

стившись. Таков выход из закона — к спасению. Закон занимает еще более дальнее место, чем в Ветхом Завете: он уже не составная часть Завета, он только — подготовка к нему, воспитание, очищение. Вот почему праведность фарисеев надо было "превзойти" — не в количественном смысле, не утяжеляв еще более закон, а выйдя в новое, иное качество. Это "качество" — любовь, беспредельная, всего человека охватывающая любовь, не постижимая человеческими силами, и достигаемая только в единстве с Богом в Новом Завете, и здесь действительно уже нет закона. "Люби Бога, и делай, что хочешь" /блаж. Августин/. Но в земной жизни Церкви закон, поставленный на свое место, оставался. И был необходим. Как воспитатель, и средство против гордыни. Иногда он даже чрезмерно разрастался. Как, например, церковно-государственный кодекс Феодосия-Юстиниана, который еврейский историк С. Дубнов не без основания назвал "христианским Талмудом". Или дисциплинарные решения Вселенских Соборов, некоторые пункты которых чрезвычайно напоминают Талмуд, и с которыми не худо бы ознакомиться иным из наших сверхправославных ортодоксов — это несколько охладит их "ортодоксию". Или монашеские, церковные правила. Все это вовсе не "контрабанда", это важно и нужно — но на своем месте. Истинно христианское делание никогда не удовлетворялось только законом и аскезой. Закон — необходимая церковная дисциплина. Аскеза — путь, очищение сердца. Но спасение — от Бога. Нельзя все вместиť в закон, и сам закон важен только для "плодов".

Церковная история напоминает об этом своеобразными "противовесами". Так, "государственной" церковности противостоит монашество, императорской власти — икона /в этом смысл борьбы с иконоборчеством/, византийскому церковному благочестию — юродство, вне всякой государственной и церковной иерархии. Здесь нельзя думать, что одна часть противовеса — хорошо, другая — плохо. Надо и то, и другое, но самым фактом противовеса знаменуется запредельность, непостижимость Истины, невмещаемость ее в земные формы; не мы Ее знаем, а Она — нас.

Вот когда нарушается это соотношение земного и небесного, закона и благодати, тогда и появляется закваска фарисейская: христианский раввинизм. Он не в самом существовании церковных законов /они нужны/, а когда они в духовной жизни поставляются на первое место. Тогда всегда неизбежно следствие: выход из истории. В замкнутости ли сектантов, которым нет дела, в какое время и в какой стране они живут, в "национальной" ли Церкви, замкнувшейся в себе, в "келейном" ли духе, появляющемся и в католическом православии.

И любопытно, что такой ортодоксальной замкнутости часто сопутствует казалось бы противоположная вещь: религиозное фантазерство. Но связь тут есть: келейность, отрыв от истории приводит к неразличению реальности, к одержимости праздной умственной игрой, к мифотворчеству.

Сходство с фарисеями несомненно: вечная боязнь "осквернения", неприменная гордыня своим "благочестием", и главное — отсутствие любви.. Его никакой "ортодоксией" не скроешь. "Но избави нас от лукавого". Лукавый точно лукав: соблазн может принять вид благочестия. Это и есть закваска фарисейская в Церкви. Узнают ее по подозрительной уверенности в своей правоте. И тут не спасают ни догматическая правота, ни личная праведность /у фарисеев было то же/, ни приверженность традиции, ни "православие", если нет главного, о чем говорится в первой и главнейшей заповеди — любви /см. Марк 12, 30-31/. Потому и всем нам, догматически правым и неправым, не возвеличиваться надо перед "раскольниками", "схизматиками" и т.д., а сожалея об их неправоте /если она точно есть/, каяться в своей гордыне /а в ней виновны все/, ибо она хуже, чем догматическая и законническая неправота. И помнить о словах мытаря "Господи, помилуй меня!". Ибо наша правота еще не есть правота перед Богом.

ooooooooo